

Литературное наследие

Из китайской классической поэзии

Перевод с китайского и вступление Л. ЭЙДЛИНА

Представленные в журнале четыре поэта: Мэн Хао-жань (689—740), Лю Цзун-юань (773—819), Лю Юй-си (772—842) и Бо Цзюй-и (772—846) — заняли свою жизнью больше ста пятидесяти лет, половину времени существования танского государства (618—907). Они тесно связаны между собою. Трое — современностью и дружбой. Все трое почитали Мэн Хао-жаня и были в силах продолжить уже им прославленную танскую поэзию. «Я, поэт любя, навещаю его страну», — говорит Бо Цзюй-и, приехав в мэнхаожаневский Сяньян. Любя давно покинувшего мир Мэн Хао-жаня, как любимы им живые его друзья-поэты.

У всех у них были общие темы. И одна — времена года. Времена года — это, конечно, не просто одна тема: она объемлет собою все множество тем китайской классической поэзии. Поэты «с древности и до нас» (как сказал бы китаец) задумывались над движением времени. Они знали и запечатали еще в «Древних стихотворениях» начала нашей эры, что «человеческий век промелькнет, как краткий приезд». Времена года помогали отсчету жизни человека. «Времена — все четыре — за одним другим на смену, / И уже вечер года с быстротой какой набегают», — сказано в тех же «Древних стихотворениях», а в IV веке у Тао Юань-мина: «Солнце с луною никак не хотят помедлить, / Торопят друг друга четыре времени года».

Весна, лето, осень и зима олицетворяют собою быстро пролетающее время. В китайской поэзии одушевлены они больше, чем во всей остальной мировой лирике. Они приходят к людям и возвращаются к себе. К ним может обратиться поэт как к другу («Это чувство, с которым проводил сегодня весну, / Это чувство — как будто я расстался с другом моим»), а иной раз и как к врагу («...дурман весенний и от него безумье»). Времена года — тот фон, на котором поэт выражает и настроение свое, и взгляд на мир.

Китаец не знал привычного для нас непрерывного линейного счета исторического

времени, наращивавшегося в его сознании циклически, и те тысячи осеней, те десятки тысяч годов, о которых говорили поэты, по-видимому, не воспринимались протяженно, а далеко ушедшая древность была где-то рядом и явственна как идеализированное настоящее. Времена года направляли мысль человека на прошлое, потому что они-то, в отличие от самого человека, вечны: приходят к людям и отправляются к себе все те же весна и лето, осень и зима. Побывав на юге, идет весна на север, и сосланный в Линлин чиновник и поэт Лю Цзун-юань поручает ей сны свои о возвращении домой: пусть хоть они взглянут на родной Циньюань. А Лю Юй-си, тоскуя по умершему другу, глухо напоминает об этом его стихотворении, говоря, что «в час урочный пришла весна», уже не заставшая Лю Цзун-юаня. Одна луна освещает всю Поднебесную, и одна весна шествует по ней с юга на север. Она соединяет в себе прошлое, нынешнее и будущее человека, живущего в едином ряду с небом и землей.

Для Лю Юй-си во все времена «одинаковы те печали», для Бо Цзюй-и в мире нет такого угла, который не напоминал бы о прошлом, будь это Цзиньгуский сад в Золотой долине, посаженный богатым поэтом Ши Чуном в III веке, или Тяньцзиньский мост через реку Ло, построенный при суйском Ян-ди, который правил с 605 по 617 год. Да и осень увлекает в далекое прошлое. У Бо Цзюй-и «так чиста и светла она, как, наверное, в старину», когда жил во времена Восточной Цзинь современник Тао Юань-мина буддийский наставник Хуэй-юань «и все те, кто с ним».

Но все же прошлое, живущее рядом, не может утешить человека в его непреодолимом движении к «превращению», к уходу в небытие, то есть в то состояние, когда он сам становится прошлым для поколений, которые ему уже «не застать», как ему «не настигнуть ушедших». Вот почему, провозжая весну, Бо Цзюй-и не может отрешиться от мысли об уходе времени, его собственного времени с исчезновением весны. Нет в жизни несчастий, с которыми нельзя было бы справиться или от которых нельзя было бы убежать. «От единственной только дряхлой старости, как придет, /В человеческом мире не укроешься никуда...» Философия старости и смерти чуть не во главе угла старой китайской лирической поэзии. Но общие рассуждения приобретают в ней и самый конкретный характер после наступления сорокалетнего возраста, когда уже есть право стареть, когда «болезни и дряхлость» начинают, как кажется поэту, притуплять в нем вкус к радостям весны. Еще в «Древних стихотворениях»: «Я нигде не встречаю того, что здесь ранее было,— /Как же можно хотеть, чтоб движенье замедлила старость!» Человеку свойственно отгонять от себя мысль о смерти, художник же, а особенно художник тех веков, когда на поэзию возлагались задачи науки, и главная из них — осмысление жизни, такой художник думает не только о себе, он в заботе о людях.

Понимание жизни человека как пути, отмечаемого временами года, тоже пришло из древности: «А живет человек между небом и этой землей /Так непрочно, как будто он странник и в дальнем пути». Общий путь человеческий может соединиться и со своим, не аллегорическим, мучительным в зимнюю пору, как у Мэн Хао-жана в «Моих чувствах в последнюю ночь года» или у Бо Цзюй-и, тоскующего по дому зимой в Ханьдане. Зима у поэтов принесла нам и сведения о жизненной неустроенности тех времен: холод подушки и одеяла, сиротливый светильник, несметенная с кровати пыль. (А может быть и так, что все эти обстоятельства кажутся малоуютными лишь нам через тысячелетие?)

В пристальном наблюдении за ходом времени поэты старались забыть о пылающем лете и студенной зиме, предпочтя им весну и осень. Как и во всей мировой поэзии всегда находились и сторонники, и противники весны и осени. «С древности самой встречали осень скукою и печалью. /Я же скажу, что осени время лучше поры весенней»,— писал Лю Юй-си. У большинства китайских поэтов радости и печали весны не заслонили собою радостей и печалей осени, что видно и по стихотворениям, публикуемым нами. Видно и то, что в старой китайской поэзии нет голого любования временами года. Времена года всегда лишь некий усилитель, необходимый при размышлениях о законах жизни, о движении человека в этой жизни, при воспоминании о друге-единомышленнике, с кем встречи и расставания стоит уподобить встречам и расставаниям с весной, которая все-таки остается символом подъема человеческого духа.

Времена года

МЭН ХАО-ЖАНЬ

Начало осени

Еще незаметна осень в начале,
а ночи уже длинней.

Порывами ветер прохладный веет
и свежесть с собой несет.

И жаром пылавший зной отступает,
и в доме тишь и покой.

И листья осоки внизу у ступеней
от капель росы блестят.

Мои чувства

в последнюю ночь года

И тяжел, и далек
путь за три горных края Ба
По опасным тропам
где идти десять тысяч ли.

Средь неравных вершин
на проталине снежной в ночь
С одинокой свечой
из иной страны человек.

Отдвигается вдаль
кость от кости, от плоти плоть,
И на месте родных
верный спутник мальчик-слуга.

Где же силы терпеть
эту в вечных скитаньях жизнь?
С наступлением дня
начинается новый год.

ЛЮ ЦЗУН-ЮАНЬ

Ранняя весна в Линлине

Спрошу весну
о том, когда она

Направится
отсюда в Цинъюань,

Чтоб с ней послать
мои о доме сны:

Пусть хоть они
войдут в родной мне сад.

ЛЮ ЮЙ-СИ

Скорбю в Поток Глупца

Мой друг Лю Цзун-юань, когда был сослан в Юнчжоу, нашел прекрасное место, где построил свой скромный дом, посадил огород, запрудил свой ручей и сделал озерко, на котором возвел беседки и башенки, и назвал ручей и всю усадьбу Поток Глупца. Прошло уже три года с той поры, как не стало учителя Лю. Один буддийский монах, побывавший в Линлине, сказал мне, что Поток Глупца теперь в запустении. Когда я услышал слова монаха, меня охватила неодолимая грусть. Об услышанном мною написал я в семисловных стихах, дабы выразить свою печаль.

I

Воды потока прозрачно-чистые;
в час урочный пришла весна.

В доме отшельника нет хозяина —
только ласточки проснут.

Сквозь занавеску из дома виднеется
двор пустынный с густой травой,

Горный гранат, в своем одиночестве
расцветающий, как и встарь.

II

Несколько строк знаменитого мастера,
сохранившихся на стене.

Тысячью веток сад апельсиновый
окружает соседский дом.

Перед селением над воротами
с именами славных доска.

В грустном безмолвии ранних сумерек
возвращается дровосек.

III

Ивовый вход с бамбуковой улочки
существует и до сих пор,

Мохом зеленым и дикими травами
зарастая день ото дня.

Лишь иногда соседу захочется
на свирели здесь поиграть.

Кроме него из былых товарищей
кто приходит сюда еще!

Провожая весну

Ведь вчера еще только взошел на башню,
поздравляя весну с приходом,
А сегодня поднялся на башню снова,
чтобы с ней уже попрощаться...

И цветы орхидей в увядшем уборе
сбереженной росой плачут.
Ивы длинными рукавами веток
налетевшему ветру машут.

И красавица в гладком зеркале видит,
как лицо ее изменилось.
Чуский гость у речного берега знает,
что надежды его напрасны...

И за десять тысяч веков и донные
одинаковы те печали.
Остается вином допьяна напиться
и забыть обо всем на свете.

Осень

I

С древности самой встречали осень
скукою и печалью.

Я же скажу, что осени время
лучше поры весенней.

Светлая даль, журавль одинокий
в небе над облаками

Могут поднять мое вдохновенье
прямо к лазурным высям.

II

Ясные горы, чистые воды,
с ночи лежащий иней.

В яркой листве краснота деревьев
тронута желтизною.

Если к тому же взойти на башню —
свежесть проникнет в кости.

Это не то что дурман весенний
и от него безумье.

БО ЦЗЮЙ-И

Брожу в ущелье
у Шимэньцзянь —
Потока Каменных Ворот

К водопаду в ущелье
нет протоптанных давних троп.
Продираясь сквозь чащу,
я ищу былого следы

И все время встречаю
осень ясную гор и вод —
Так чиста и светла она,
как, наверное, в старину.

Говорят, что когда-то
Хуэй-юань и все те, кто с ним,
Написали стихи свои
на огромной этой скале.

Облака их накрыли,
мох вырос и спрятал от глаз.
За зеленой стеною
не узнаешь, где их найти.

Негустыми рядами
обступает дикий бамбук
Обнаженные ветром
груды тысячелетних камней.

С той поры, как исчезло
государство Восточной Цзинь,
Никогда уже больше
не проходит здесь человек.

Безраздельно в Воротах
лишь осенний звучит поток,
И бурлит, и клокочет
в пустоте он и день и ночь.

*После прощанья
с поэтом Юань Чжэнем
мои чувства*

Горечь тоски
в дожде среди листьев туна.
Веет уныньем
ветер в отцветшем цзине.

О, как грустна
начальной осени дума,
Что возникает
в тихом уединенье.

Если еще
добавить разлуку с другом,
Тут уж и вовсе
нет на душе веселья...

Не говори:
«Меня провожать не надо».
Сердце идет
с тобой к городским воротам.

Разве друзей
чем больше, тем они лучше?
Было бы только
с ними во всем единство.

С сердцем моим
один человек уходит.
Я ощущаю
город Чанъань пустыней.

Осенней ночью

Так листья шумят
и падают, словно дождь.

И светит луна,
как иней совсем бела.

И ночь глубока —
я только собрался лечь.

Найдется ли кто
смахнуть мне с кровати пыль.

Провожая весну

В третьем месяце года
на последний, тридцатый день
Нас весна покидает
и опять вечереет день.

Опечаленный этим,
я весенний ветер спросил:
«Значит, ветер, ты завтра
с нами больше не будешь жить?»

И весну провожая
над Цюйцзяном на берегу,
Я с тоской и с любовью
мир оглядываю вокруг.

Но одно лишь я вижу —
как устлали воду цветы.
Так их много повсюду,
что не ведаю им числа...

Человек в своей жизни
словно странник в спешном пути.
Он идет шаг за шагом,
забывая передохнуть.

Каждый день он шагает
по дороге, что перед ним.
Перед ним же дорога
как протянется далеко?

Беспорядки и войны,
да и воду, да и огонь —
Те несчастья все можно
побороть иль от них бежать.

От единственной только
дряхлой старости, как придет,
В человеческом мире
не укроешься никуда...

И взволнованный мыслью,
я задумался о себе,
Прислонившись в безлюдье
молча к дереву у воды.

Это чувство, с которым
проводил сегодня весну,
Это чувство — как будто
я расстался с другом моим.

Иду ночью под редким дождем

Все небо укрыв,
осенние тучи нашли.

Подкравшись во мгле,
явился холод ночной.

Лишь чувствую, как
халат на мне отсырел,

А капель дождя
и шума их тоже нет.

Ночной снег

Я вдруг просыпаюсь:
постель холодна как лед.

Глаза открываю —
бумага окна светла.

Глубокая полночь...
Наверное, снег тяжел:

Я слышу порою —
ломаясь, хрустит бамбук.

*В осенний дождь
дарю Юань Чжэню*

Я не вытерплю красных опавших листьев,
почерневший мох на земле,

Да к тому еще долгий холодный ветер,
нестихающий дождь с небес.

Удивляться не надо, в стихах услышав
только горечь осенних дум:

По сравнению с тобой я все-таки ближе
к ждущим нас годам седины.

*В храме Хуаянгуань
во время цветения персика.
Приглашаю Ли Шестого
выпить вина*

В даосском храме Хуаянгуань
волшебный персик расцвел.

Возьмем вина, поглядим на цветы,
чтоб в сердце покой вселить.

Как можно во время цветенья нам
не выпить с тобой вдвоем:

Ведь завтра уже, послезавтра уже
все ветви будут пусты.

*Вторю стихам друга
о весенних чувствах в Лояне*

Ты не печалься, когда в Цзиньгуском
саду стоишь под луной.

И ты не вздыхай, когда на Тяньцзиньском
мосту встречаешь весну:

Если ты множеством чувств охвачен
и полон о прошлом дум,

Какой уголок в человеческом мире
не ранит твоей души!

*Гуляю в храме Юньцзюй~
Обители Облаков.
Му Тридцать Шестому~
хозяину этих мест*

В затерянном месте в скопленье вершин
дорога к храму Юньцзюй.

Мы вместе сегодня идем по цветам,
и радуюсь я весне...

Землею, что славна в веках красотой,
не волен владеть никто,

А горным просторам хозяева все,
кто любит бродить в горах.

*Снова по служебным делам
приехал на станцию Локоу*

Вот приехал сюда я в этом году —
белы летние облака.

А когда приезжал в минувшем году,
был багряным осенний лес.

Оба раза в Локоу при виде гор
испытал я глубокий стыд:

Для одних государевых срочных дел
эти горы я посетил.

*Проходя по улице
Тяньмэньцзе*

Сошел уже снег. На горе Чжуннань
весна наступает снова.

Любуюсь я издали голубизной
над суетной красной пылью.

Повозок не счесть, десять тысяч коней
на всех девяти дорогах.

Чтоб взор свой к горе Чжуннань обратил,
нет ни одного человека.

*В Ханьдане
в ночь зимнего солнцестояния
тоскую по дому*

В Ханьданьской почтовой станции я
встречаю праздник зимы.

Колени обняв, сижу при огне —
со мной неразлучна тень —

И думаю: так же дома у нас
глубокой ночью сидят,

Беседу ведя, конечно, о том,
кто странствует вдалеке.

Ранняя весна на Южном озере

Ветер ходит кругами, исчезли тучи,
только что прекратился дождь.
Отражается солнце в озерных водах.
потеплело и ярче свет.

Воздух в даях как будто усеян алым —
абрикосы цветут в горах.
Полосами простерлась новая зелень —
окаймил берега камыш.

Низко крыльями машут белые гуси,
тяжело летят, как зимой.
Языки недвижимы у желтых иволг.
не ведут они разговор.

Этим я не хочу сказать, что в Цзяннани
уж не так хороша весна:
Год за годом болезни мои и дряхлость
ослабляют влечение к ней.

В опьянении перед красной листвой

Открытое ветру
дерево осенью поздней.

За винною чарой
некто в летах преклонных.

У пьяного щеки
словно под инеем листья:

Хотя и багряны,
но не весна их красит.

Третий день третьего месяца

Последних красот вечерней весны
в третьем месяце третий день.

Прошедшего времени жизни моей
половина от ста годов.

Хочу, все заботы забыв, гулять,
только спутника-друга нет.

Я на середине реки загрустил
и направил лодку домой.

Осенняя прогулка

Я сошел с коня и без цели хожу
над водою реки Ишуй.

Свежий ветер и чистая даль кругом,
право, лучше видов весны.

Почему же от древности и до нас
у поэтов за все века

Так немного сказано добрых слов
о лоянских осенних днях!

